

Николай Степанович Гумилев (1886-1921), вопреки претенциозным декларациям о «мужественно твердом и ясном взгляде па жизнь», в творческой практике нередко солидаризировался с наиболее мрачно настроенными символистами. То он признается в бессмысленно прожитой жизни («Я не прожил, а протомился половину жизни земной»), то плачется на отсутствие счастья («Где надежда? Весь мир, как могила. Счастье где? Я не в силах дышать»), то без конца говорит о своей смерти. Но, как это ни парадоксально, в стихах о смерти Гумилев едва не отчетливее всего выразил свою воинствующую натуру. Гибель свою он чаще всего мыслит в сражении — от копья или пули врага («Одержимый», «Сонет», «Я верно, болен» и др.). Но особенно поразительно в этом отношении стихотворение «Рабочий», в котором Гумилев, ясно сознавая, кто его враг, предрек свою гибель от пули рабочего (он был расстрелян за участие в контрреволюционном заговоре). Гумилев вошел в историю поэзии как певец конкистадоров, завоевателей, пиратов (первый сборник его стихов — «Путь конкистадоров», 1905). Герой Гумилева — сильная личность ницшеанского толка, храбрый и жестокий воин, человек «без предрассудков». Известный цикл стихов поэта «Капитаны», а также стихотворения «Туркестанские генералы», «Африканская ночь» и др. — образцы романтики воинственных устремлений современного Гумилеву конкистадорства, то есть колонизаторства. Это дало основание историкам литературы уподоблять Гумилева певцу колониализма Р. Киплингу. Правда, в некоторых его произведениях звучит сочувствие жертвам колониализма, например в стихотворении «Невольничья» из цикла «Абиссинские песни». И все же в африканских стихах Гумилева на первый план выдвигались покорители народов Африки, атрибуты африканской экзотики — «изысканный жираф» на берегу озера Чад, южная ночь, сцена африканской охоты, портовые города, таверны и т. д. Описательная манера, проявившаяся в таких стихах, весьма характерна для Гумилева. Политические взгляды Гумилева привели его к воспеванию империалистической войны. Он раскрашивал ее кровавый цвет во все цвета радуги, называл «чудесной войной», благословенной самим богом, война стала для Гумилева предметом эстетского любования. Гимн войне, поэтизация захвата чужих земель всегда были чужды большой русской поэзии. Никто не воспевал у нас войну, как Гумилев, и это делает его чуждым нашей национальной культуре. Военные стихи Гумилева отражали все ту же космополитическую позицию певца империалистической экспансии. Участие России в войне лишь на время локализовало тематику его поэзии, тема конкистадорства осталась для Гумилева основной до самой смерти, о чем он сам сказал уже после Октября в итоговом стихотворении «Мои читатели». Акмеизм не вызвал столь шумных споров, как символизм, ибо эти два явления несоизмеримы как по месту, которое они занимали в русской поэзии, так и по долговечности. Акмеизму не было посвящено сколько-нибудь значительных критических работ. Лишь через восемь лет после манифестов акмеизма появилась статья А. Блока «Без божества, без вдохновенья», в котором дана резкая оценка акмеизма и прежде всего поэзии Гумилева. Блок объяснил, почему программная статья этого лидера акмеистов не вызвала возражений и прошла почти незамеченной: «В обществе чувствовалось страшное разложение, в воздухе пахло грозой, назревали какие-то большие события; поэтому Гумилеву как-то не возражали энергично». Взоры тогда, отмечает Блок, обратились на озорных бунтарей футуристов, которые, хотя часто и в нелепой форме, бурно отражали общественное возбуждение. Суждения Блока об акмеизме несколько односторонни, ибо он говорил преимущественно о Гумилеве, однако для такого суждения были немалые основания, поскольку антиобщественная позиция акмеистов наиболее полно отразилась в стихах именно этого поэта.